

Дмитрий Дмитриевич Жвания

Битва за сектор. Записки фаната

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8272266
Битва за сектор: Записки фаната: Эксмо; СПб.; 2011
ISBN 978-5-8370-0528-2*

Аннотация

Эта книга о «конях», «мясниках», «бомжах» (болельщиках СКА, «Спартака» и «Зенита»), короче говоря, о мире футбольных и хоккейных фанатов. Она написана журналистом, анархистом, в прошлом – главным фаном СКА и организатором «фанатиния» за знаменитый армейский клуб. «Битва за сектор» – своеобразный ответ Дуги Бримсону, известному английскому писателю, автору книг о британских футбольных болельщиках.

Дмитрий Жвания не идеализирует своих героев. Массовые драки, бесконечные разборки с ментами, пьянки, дешевые шлюхи, полуголодные выезды на игры любимой команды, все это – неотъемлемая часть фанатского движения времен его зарождения. Но «Битва за сектор» – книга не только о сражении за место под солнцем. Идет настоящая борьба за жизнь. Проигрыш означает смерть. Выигрывает лишь тот, кто выжил. И остался человеком.

Содержание

От автора	4
АСАВ	11
Глава 1	15
Глава 2	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Дмитрий Дмитриевич Жвания

Битва за сектор: Записки фаната

От автора

Путь на Манежную площадь

Когда корректор вносил последние правки в текст моей книги, в Москве произошел «бунт фанатов», который обнажил то, что предпочитали не замечать СМИ и футбольные функционеры – нацизм в русском околофутболе и фанатском движении вообще.

Они сами

Сожалея о смерти Егора Свиридова и Юрия Волкова, не будем забывать о смерти дворника-киргиза на Юге Москвы. Чем провинился этот несчастный киргиз перед Россией? Тем, что он чистил дворы московского «спальника»? Нет, его убили, потому что он был «чуркой». Если мы вспоминаем о москвиче Егоре Свиридове, из-за гибели которого мы получили нацистский путч, давайте вспомним, как звали киргизского дворника, который стал жертвой этого путча – Алишер Шамшиев, 1973 года рождения, уроженец города Ош.

Участники «бунта фанатов», скандировали «Русские, вперед!», «Россия для русских!», «Москва для москвичей!», что дало повод СМИ и экспертам утверждать, что фанатами руководят крайне правые организации. Но это ошибочное мнение.

Ни одна партия, будь она самой лихой на поприще национализма, не может похвастаться тем, что определяет политическое лицо русского футбольного фанатизма. А футбольные хулиганы не играют заметной роли в политических организациях. Совмещать политический активизм с участием в движении фанатов очень тяжело. Футбольный фанатизм, как и активистская деятельность, требует полного погружения, это – стиль жизни, «среда обитания», которая поглощает личность полностью. Что будет делать настоящий фанат 4 ноября: пойдет на «русский марш» или отправится на выездной матч любимой команды? Ответ очевиден.

Праворадикальное крыло фанатизма появилось само по себе, а не в результате политического воздействия на фанатов со стороны националистических организаций, – факт. Это не значит, что в движении ультрас нет людей из ультраправых групп, которые находятся в движении именно для того, чтобы привлекать фанатов к акциям политического толка в качестве пехоты. Не исключено, в ряде случаев эти люди были застрельщиками политических выступлений ультрас, как на трибунах, так и вне стадиона. Почти все интернет-магазины, которые торгуют одеждой немецкого бренда Thor Steinar, модного среди ультрас, держат ультраправые. Вместе с заказом человек получает календари с портретами Дмитрия Боровикова, Алексея Воеводина и других «героев белого сопротивления».

Но если фанаты раскроют, что человек, который выдает себя за футбольного хулигана, на самом деле – крайне правый «агент под прикрытием», они с позором прогонят его из своей среды. Например, группировка Mad Crowd («Бешеная толпа»), а ее Боровиков и Воеводин создали именно для проникновения и вербовки фанатов в ультраправое движение, на зенитовском вираже не прижилась. И во многом благодаря действиям моего друга Макса Пацифика. «Но они все равно остались около стадиона, – говорит Макс. – И какое-то время

в их рядах были совсем не ублюдки. Не так все просто, ведь в сети этой идеи периодически и хорошие парни попадают. Если бы там не было таких людей, то мы бы с „Коалицией“ прямо на трибуне их грохнули».

За последнее время от околофутбола были отлучены те фанаты, которые поставляли боевиков прокремлевским молодежным движениям. Так, официальные структуры фанатов «Спартак» сделали заявление об «отчислении» из движения таких одиозных фигур, как Колочий (Роман Вербицкий) и Киллер (Василий Степанов). Они оба состояли в спартаковской группировке «Гладиаторы» и привлекали своих товарищей к нападениям на национал-большевиков и активистов Авангарда красной молодежи. Так, в августе 2005 года у станции метро «Автозаводская» в Москве по нацболам стреляли из ракетниц и пневматических пистолетов, упавших добивали бейсбольными битами. В результате трое национал-большевиков попали в больницу с многочисленными переломами. История повторилась в тот же год в декабре – в вестибюле той же станции метро. На десятерых активистов АКМ, которые шли на свое собрание в горком КПРФ, напали двадцать молодых людей в спортивной одежде, крича: «Коммунисты – сволочи!» Кроме того, «Гладиаторы» охраняли лагерь «Наших» на Селигере.

Уже несколько лет не появляется на стадионах и около них Алексей Митрюшин, в прошлом один из лидеров группировки Gallant Steeds (ЦСКА), сначала он неплохо устроился в «Идущих вместе», потом перебрался в «Наши», а в настоящий момент – он один из руководителей движения «Местные». На плаву остается Команча (Александр Шпрыгин), который успешно совмещает позицию главного динамовского фаната с местом в исполкоме РФС, где он, кроме всего прочего, борется с расизмом (если посмотреть его фото, сделанные ранее, создается ощущение, что он борется с самим собой). Именно с именами этих четверых людей обычно связывают привлечение фанатов к разборкам с теми, кто негоден властям.

Остается, правда, загадкой, кто организовал нападение на лагерь экологов в Химкинском лесу 23 июля 2010 года. На фанатских форумах писали, что эту «акцию устрашения» провел «объединенный отряд фанатов „Спартак“ и ЦСКА». Во всяком случае, вызывает вопросы поведение одного из официальных лидеров спартаковского движа – Ивана Катанаева. «Человек, который в Интернете известен под ником Combat 18 и соответствующим стилем поведения в недавнем прошлом, приезжает в Москву из Питера, где он в маске шел с файером по мосту в сторону стадиона и получил за это жалкие двое суток, надевает шикарный костюм и отправляется на прием в РФС (Российский футбольный союз – Д. Ж.), чтобы пожаловаться „уважаемым людям“ на то, как его жестоко повязали», – возмущается Пацифик.

Примеры сращивания фанатизма и политической работы на заказ были и, наверное, будут. Но в целом ультрас считают кощунством использование знамени любимого клуба не по назначению, даже для продвижения идей, которые, в общем и целом, они разделяют.

Нет ни одного крайне правого лидера, который бы был одновременно авторитетным футбольным фанатом. Стоит только националистическим вожакам, будь то Дмитрий Дёмушкин или Александр Поткин (Белов), заявить о своей солидарности с фанатами и готовности поддержать их, как фанаты отвечают: спасибо, не надо. Так, 11 декабря объединение болельщиков «Спартак» «Фратрия» поспешило заявить о своей непричастности к беспорядкам на Манежной площади.

«Все мероприятия с участием „Фратрии“ – на Кронштадтском бульваре, на похоронах Егора – прошли без эксцессов. Везде, где были именно футбольные болельщики, происшествий не было.

На Манежной площади собралась толпа народу, но никаких организованных объединений болельщиков ни „Спартак“, ни ЦСКА, ни „Динамо“, „Локомотива“, „Торпедо“ или

других клубов не было. Никто из нас не призывал идти на Манежку», – сказал Евгений Селеменев, председатель Совета «Фратрии».

Желание Евгения откреститься от событий на Манежной площади вполне понятно. И «Фратрия», будучи официальной структурой фанатов «Спартака» (как и официальные фанатские структуры других клубов), не стала бы призывать к политическим бунтам. Но отрицать участие фанатов в беспорядках на Манежной глупо. Просто они пришли туда сами, а не потому, что им кто-то приказал. Политическая идеология ультрас развивается стихийно и импульсивно – под воздействием настроений, которыми заражено общество.

Сплошная «наша раша»

Россия – расистская страна. И причин тому множество. Нынешний расизм – зеркальное отражение советского интернационализма. Советские школьники могли искренне сожалеть о смерти лидера Партии труда Анголы, первого Президента этой африканской страны Антониу Агоштинью Нету, собирать денежные пожертвования в фонд помощи никарагуанским сандинистам и т. д. Сейчас на такой альтруизм способны немногие. Советский человек очень быстро перековался в бытового расиста, как и его дети. «И мы не терпим то, что отличается от нас, этнические ли это группы или какие-то социальные. И это поддерживается всей системой воспитания, образования, всей системой культуры. Робкие попытки завести альтернативные дискуссии об этом заглушаются, они существуют только в узких кругах интеллектуалов. В системных науках этот расистский дискурс господствует. С положительным знаком или с отрицательным – неважно. Одни говорят, смотрите, они совсем иные, и они нам мешают жить. Другие говорят, смотрите, какие они замечательные и экзотичные, как они замечательно живут. Это одно и то же, это тот же самый расизм. Расистские явления есть во многих странах, в Европе, в Америке. Но я не знаю другой страны, кроме России, где народ был бы так расистски настроен», – настаивает директор Центра независимых социологических исследований в Санкт-Петербурге, вице-президент Санкт-Петербургской ассоциации социологов (СПАС), вице-президент EART (Европейской ассоциации исследователей трансформации) Виктор Воронков.

В любой западноевропейской стране, если бы какой-нибудь телеканал выдал в эфир телешоу, в котором представители какой-либо национальности были показаны так оскорбительно карикатурно, как таджики в «Нашей Раше», то на следующий же день у офиса этого телеканала прошла бы массовая манифестация протеста. И не исключено, что она вылилась бы в погром редакции. А в России все смеются над тем, как два парня армянского происхождения куражатся над таджиками. «Эти джамшуты и равшаны» – так теперь отзывается об иммигрантах русский обыватель. И власть негласно поощряет эти настроения. Ей выгоднее, чтобы народ смеялся над таджиками, а не над ее политикой.

В Советском Союзе расизм существовал тоже, но это был расизм особого рода. Советские люди жили в изоляции от остального мира и привыкли все чужое воспринимать как враждебное. И этот изоляционизм послужил хорошей почвой для нынешнего расизма, наши люди не привыкли чувствовать себя частью мира. Конечно, расизм населения подпитывают и те проблемы, с которыми столкнулась Россия за последние двадцать лет.

Фанаты вовсе не идут впереди политического процесса. В принципе, в политике они – те же обыватели, только более агрессивные и активные. «Засильем черных на рынках» возмущались многие, а они это возмущение перевели в область практики, когда в конце октября 2001 года разгромили рынок в Царицыне. Почти всем составом в акции участвовала хулиганская группировка фанатов ЦСКА – «фирма» KIDS.

После убийства Егора Свиридова я оказался в сволочной ситуации. С одной стороны, я никогда не был на стороне власти, никогда ее не поддерживал, но с другой – быть на стороне

нацистов и расистов категорически не хочется. Равно как и нет никакого желания оправдывать молодых кавказцев, которые действительно ведут себя нагло. В общем, опять приходится быть на своей собственной стороне.

Внучата, но не Ильича

Я не знаю, каким парнем был убитый Егор Свиридов. А обстоятельства его убийства знаю с чужих слов. В любом случае, это плохо, когда человек уходит из жизни в двадцать семь лет. Очень плохо. Но почти на девяносто процентов я уверен, что Егор не мог бы быть моим товарищем. Не мог быть именно потому, что он был фанатом «Спартака», причем не мирным «кузьмичем», собирателем программ и коллекционером атрибутики, а бойцом Union – очень агрессивной «мясной» группировки (для тех, кто не в курсе – спартаковцев и их фанатов называют «мясниками»). Так, в апреле 2005 года в Сокольниках Union сумел взять верх над самой сильной на тот момент фанатской хулиганской «фирмой» – «армейцами» из RBW (Red Blue Warriors), а 31 марта 2007 года перед матчем «Зенит»–«Спартак» Union погнал объединенный отряд сине-бело-голубых хулиганов.

То есть Егор был активным участником спартаковского околофутбола, а в этом околофутболе заправляют нацисты.

28 октября 2006 года фанаты «Спартака» в Ярославле на матче своей любимой команды с местным «Шинником» на тринадцать секунд подняли классическое нацистское знамя – красное со свастикой в белом круге, а 20 апреля 2009 года в Казани во время гостевого матча «народной команды» с местным «Рубином» красно-белые поздравили с днем рождения Адольфа Гитлера: они развернули баннер, на котором было написано «С юбилеем дедушка 120», а посередине нуля опять-таки нарисована нацистская свастика.

Баннер не заметили во время встречи ни представители команд, ни ответственные лица. Гендиректор и главный тренер красно-белых Валерий Карпин заявил, что акцию не могли провести болельщики его команды: «Это отморозки, дебилы. Как угодно их можно будет обзывать, и будет правильно». Все правильно, но баннер-то развернули на гостевом секторе, в красно-белой массе.

Может быть, сам Егор не был нацистом. Может быть, он не был на тех выездах. Но он не мог не знать, что делали на них его товарищи. Ведь у спартаковцев один за всех и все за одного. Или это просто красивый клич?

Но расизм и нацизм – проблемы не только спартаковского движа. Когда 12 марта 2008 года «Зенит» играл домашний матч против «Олимпика» из Марселя, где собрано много чернокожих футболистов, на зенитовском фанатском вираже были замечены (и показаны по ТВ) люди в колпаках Ку-клус-клана. Правда, старый фанат «Зенита» Пацифик полагает, что это – «глум», мол, «люди просто пошутили».

Однако тот факт, что в «Зенит» не приглашают чернокожих легионеров по причине того, что фанатский хард-кор сине-бело-голубых разделяет расистские убеждения, подтвердил в одном из интервью вратарь команды Вячеслав Малафеев. Так или иначе, «глум» повторился, когда в августе 2009 года на «Петровском» в составе молодежной сборной Италии появился чернокожий Марио Балотелли – на вираже вывесили баннер с надписью на итальянском языке: «Balotelli, noi non aspettiamo qui!» («Балотелли, мы тебя здесь не ждем!»).

Правда, фанаты «Спартака» протестовали против прихода в клуб чернокожего бразильца Соареса Веллитона более прямолинейно – они растянули баннер с надписью «Monkey, go home!». Видимо, Веллитона этот баннер вдохновил, и он два раза подряд стал лучшим бомбардиром российского чемпионата. По мнению Пацифика, выходка спартаковцев – это «вообще ни в какие ворота не лезет – откровенное оскорбление». Но таких фанатов, как Пацифик, становится все меньше.

В московском «Локомотиве» три года отыграл чернокожий Питер Одемвингие (его отец – нигериец, а мама – татарка). Когда стало известно, что он переходит в английский клуб «Вест Бромвич», фанаты «железнодорожников» вывесили баннер, на котором был изображен банан и написано «Спасибо, „Вест Бром“!». «В России чернокожие игроки подвергаются по отношению к себе неприкрытому расизму. От этого тошнит», – заявил Одемвингие в интервью английской газете Daily Mail.

В низших лигах положение не лучше. Немало нацистов гонят за московское «Торпедо», фанаты псковского клуба «Псков-747» растягивали баннер с надписью «Да – расизм!». Иногда, правда, движение раскалывается. Так, среди фанатов петербургского «Динамо» есть как нацисты, так и антифа.

Сейчас почти на каждом фанатском секторе красуется имперский триколор (черно-желто-белый) с кельтским крестом посередине – символ, который используют неонацисты всего мира. И весь этот расизм и национализм в околофутболе (да и в околохоккее) – не результат политической работы на трибунах ультраправых активистов, фанаты сами дошли до такой жизни.

Конечно, на секторах ультрас далеко не все нацисты. Но чаще всего те ультрас, которым не нравится расизм, отстаивают аполитичность своего движения. «Мы призываем сказать решительное „нет“ политике на трибунах, независимо от того, поддерживаете ли вы партию власти, оппозицию или иные политические течения. Пусть ваши политические взгляды останутся за трибуной, ведь на трибуне нас объединяет любовь к команде», – пишут, например, современные фанаты «Зенита» в манифесте «Фанаты за традиционный футбол».

Что касается российских антифашистов, то они проникают в околофутбол очень медленно. Они есть, но их мало. Как правило, появление антифашистской группировки на трибуне – это попытка ультралевых активистов заявить о себе на поприще околофутбола, отвоювать часть территории публичного пространства у ультраправых. Левые идеи в чистом виде в отличие от национализма в России сейчас мало популярны и поэтому органическим образом на трибунах они не зарождаются, а привносятся извне. То есть для антифашистов околофутбол – это продолжение их политики другими средствами.

Наиболее яркий пример околофутбольного антифашизма – фанаты петрозаводской команды «Карелия», которая выступает в первенстве коллективов физкультуры (любительская лига). Фанатский вираж «Карелии» стал местом тусовки для антифашистов всего Северо-Запада. 14 августа 2010 года ультраправые активисты и ультрас «Зенита» совершили «массовый прыжок» на фанатов «Карелии», когда те приехали в город Пушкин (Царское Село), где их клуб играл в финале кубка коллективов физкультуры.

Некоторое время назад интеллектуалы из числа фанатов «Зенита» пытались обосновать петербургский сепаратизм. Недаром один из ведущих сайтов зенитовских ультрас называется Ландскрона – по имени шведской крепости, которая находилась в устье Охты в Средние века. Но эта попытка успехом не увенчалась.

Надо признать, что крайние националистические идеи сейчас более востребованы не только в околофутболе, но и во всем нашем обществе. Нацисты на трибунах не составляют большинство, но они активны, и поэтому заметны.

Опасное ханжество

Сразу после «бунта фанатов» все, так или иначе, заговорили о проблеме иммиграции. Но на самом деле не эта проблема является причиной фанатского бунта. Убийцами фанатов «Спартак» Егора Свиридова и Юрия Волкова стали не иммигранты, а граждане России – уроженцы Северного Кавказа.

Можно сколько угодно призывать не делить россиян по национальностям, но с помощью ханжества проблемы не решить, а проблема есть, и она стоит очень остро, и заключается она в конфликтных отношениях между кавказцами и русскими.

Самое печальное, что русским нацистам противостоят не сплоченные силы социалистов и антифашистов, а тоже нацисты – только кавказские. Я не общался с фанатами «Спартак» из Нальчика, которые вывешивают баннер с Че Геварой. Не знаком и с фанатами дагестанского футбольного клуба «Анжи», которые адресовали фанатам московского «Спартак» баннер с надписью «Сдох Гитлер – сдохнут его внуки», с перечеркнутым спартаковским ромбиком со свастикой внутри, намекая на акцию поклонников «народной команды» в Казани по случаю юбилея Гитлера. Но я знаю, что большинство кавказцев-мусульман, которые приезжают в Россию, ведут себя нагло, считая себя выше местного населения – свиноедов, шлюх и алкоголиков. Говорить о причинах этого поведения можно долго, но это поведение – факт. С ними сталкивался каждый, кто ходит по улицам Москвы, Петербурга и других городов.

Во многом это их поведение объясняется тем, что Кремль, понимая, что война за контроль над Кавказом проиграна, заискивает перед ними. Так, в октябре 2010 года первый заместитель главы администрации президента Владислав Сурков, чеченец по происхождению, на встрече с активистами чеченского «патриотического движения» «Рамзан» так расчувствовался, что заявил: «Я смотрю на собравшихся в этом зале молодых людей и думаю: красивый мы все-таки народ. Красивый и сильный. Мне очень приятно находиться среди вас». После этого Сурков заговорил о месте Кавказа в России. По его словам, «Кавказ – это фундамент, на котором стоит Россия».

Хочу напомнить, что Сурков с членами «Рамзана» встречался после того, как в Москве ударом ножа чеченец убил фаната «Спартак» Юрия Волкова. Убийца был арестован, но затем отпущен из-под стражи, после чего он скрывался в Чечне. Но Сурков ни словом не обмолвился об этом.

На ханжество со стороны Кремля «промосковские» чеченцы отвечают таким же ханжеством. Так, на встрече с Сурковым они пообещали вдобавок к движению «Рамзан» создать не менее патриотическое движение «Путин». 4 ноября активисты «Рамзана» провели в Грозном «Русский марш», неся транспаранты «Россия – это наш дом!».

Если бы перед кавказцами власть так не лебезила, они бы вели себя в русских городах иначе.

Владимир Путин на встрече с фанатами (которая состоялась после событий 11–15 декабря 2010 г.) сказал, что он и «десяти копеек не даст за здоровье того, кто на Северном Кавказе будет оскорблять Коран», но, мол, у русских тоже есть свои традиции, и их надо уважать. Правда, Путин не уточнил, какие традиции сейчас есть у русских. Власть сделала все, чтобы выжить все русские традиции с корнем. Заработать деньги любой ценой – вот этот принцип утверждается в нашей стране, и он открывает широкие двери той самой коррупции, о которой так много писали после убийства Егора Свиридова.

Нацисты, побуянив, вновь ушли в «автономное плавание», которое сводится к нападениям небольшими группами на «лиц неславянской внешности», а те, кто много лет пытается вывести людей на улицы, чтобы обозначить протест против авторитарной политики власти, отныне рискуют получить за это уголовные наказания. Им это президент Дмитрий Медведев уже пообещал, выступая на совещании в Рязани, где обсуждались дополнительные меры по обеспечению правопорядка. Он велел «жестко пресекать все несанкционированные митинги, демонстрации и пикеты, даже посвященные вполне безобидным или мемориальным мероприятиям», а их участников – «подвергать безусловному задержанию». «События последних дней показали, что несанкционированные митинги могут приобретать радикальную направленность, нарушать права и свободы граждан, угрожать в массовом порядке

жизни и безопасности людей», – сказал президент, которого некоторые наивные люди считают либералом. То есть милиция получила добро на «жесткие пресечения». Учитывая, что и до этого митинги разгоняли не ласково, то я боюсь теперь даже представить, что будет 31 декабря с активистами «Другой России» и с левыми активистами в следующий День гнева.

А Владислав Сурков вообще в беспорядках, устроенных националистами, обвинил либералов и антифашистов. «Это ведь как бы „либеральная“ публика упорно вводит в моду несанкционированные акции, а нацисты и жлобы этой моде следуют. Одиннадцатое происходит от тридцать первого! – заявил Владислав Сурков. – А еще до погрома на Манежной был погром в Химках, если кто забыл... Другие люди, а жлобство то же!». Мол, либералы и антифашисты подали нацистам пример. То есть жемчужные прапорщики вообще перестанут чего-либо стесняться. Сказано же: надо «жестко пресекать» и «безусловно задерживать» всех, кто бузит.

Правда, либералы, которым Путин предложил сбрить «бороденки», сами виноваты в том, что власть поставила их в один ряд с нацистами. В свое время либералы сделали все, чтобы в России не появилось цивилизованной националистической оппозиции. В 90-е годы, когда либералы с важным видом разгуливали по коридорам власти, трясли «бороденками» с трибуны Государственной думы и контролировали ведущие СМИ, любой, кто смел заикаться о национальных интересах России, сомневаться в правильности политики толерантности, получал с их подачи клеймо фашиста и оттеснялся на край политической жизни.

Можно как угодно относиться к НБП и ее идеологии, но нельзя не признать, что эта партия первой попыталась закрыть в русском национализме пресловутый «расовый вопрос». Если человек признаёт русскую культуру и русский язык своей культурой и своим языком, значит, он русский, утверждали нацболы. Французские правые, тот же Серж Аоуб, делают аналогичные заявления только сейчас. «Вопрос расы и этноса не играет ключевой роли. Главная проблема – расстановка и соотношение сил», – говорит бывший лидер группировки Национал-революционная молодежь. А наши националисты кричат «Россия для русских!», и это самый приличный их лозунг. Остальные воспроизводить в печатном виде не хочется.

Если мы говорим о демократии как о лучшей форме правления по сравнению с диктатурой, то мы должны согласиться с тем, что и националисты имеют полное право на легальное существование, как во Франции, например, если они не призывают к резне и погромам. А если национализм загонять в подполье, то он будет вырываться наружу в виде оголтелого расизма и нацизма, как это случилось недавно в Москве, Петербурге, Екатеринбурге, Ростове.

Исходя из всего этого, можно сделать самый мрачный прогноз – никакого братства народов в ближайшее время не будет. Национальные противоречия в ходе совместной производственной деятельности не стираются, ибо нет производства, разрушено оно. Так что нас ждет фашистская анархия – война между бандами, организованными как небольшие армии, со своей жесткой иерархией. Банды, конечно, будут создаваться по признаку национальности, по территориям. Только что в этой ситуации делать левым? Если появится новый батя Махно, то понятно что.

АСАВ

Вместо предисловия

Вонючая одиночка – маленькая, как спичечная коробка: метр шириной, два длиной – подходящее место для того, чтобы предаться воспоминаниям. Время здесь тянется невыносимо медленно, минуты ползут, словно полупарализованные черви. Сиди и вспоминай свою жизнь, ковыряйся в мозгах.

Правда, в одиночке я сидел не один, а в компании с наркоманом, укравшим мобильный телефон, он уже находился в камере двое суток, тяжело дышал, пытался заснуть, потом вскакивал и, стуча в дверь, кричал:

– Начальник! Начальник! Открой, начальник! Человеку плохо!

Он не врал, дышать в камере было нечем, вентиляция не работала. «Да, мучительной же смертью помирал аббат Аббон, – вспомнил я сюжет „Имени розы“ Умберто Эко. А еще вспоминались подводники „Курска“. Наверное, это очень страшный конец, когда жизнь уходит постепенно, по мере сокращения в воздухе кислорода. А Путин на вопрос Ларри Флинта „Что случилось с лодкой?“, ответил с мудацкой улыбкой: „Она утонула“. Интересно, если я задохнусь здесь, в этой вонючей, пропахшей мочой камере, что скажет ментовское начальство моей маме, моей жене, моим сыновьям? „Жвания? Он задохнулся!“...»

Нет, так они, конечно же, не ответят. Задохнулся? С чего вдруг? У меня наверняка обнаружится сердечная недостаточность, и ментов совсем не будет волновать то, что я никогда не жаловался на боли в сердце. А может быть, они скажут, что я улучил момент, забежал на второй этаж, выбросился из окна и разбился насмерть. За годы работы в прессе я узнал много вариантов ментовского отмаза от смертей заключенных и задержанных.

Наркоман вновь и вновь, крича, барабанил в дверь.

За дверью молчали.

– У суки! А, какие же они суки! Козлы! – ругался мой сокамерник. – Правда, сегодня еще нормальный мент дежурит, а вчера дежурил козел, в сортир не выпускал, пришлось в бутылку ссать.

В углу камеры, рядом с дверью, стояла бутылка с мутной желтоватой жидкостью. В камере все сильнее пахло мочой.

– А этот дежурный выпускает? – спросил я, для меня это было важно: мне предстояло провести в камере десять часов как минимум.

– Этот выпускает, но редко.

Дверь камеры наконец открылась. Младший лейтенант – небольшого роста бритый крепыш с намечающимся брюхом – нарочитым басом, которым стараются говорить «деды» в армии, спросил:

– Ну?! Кому здесь плохо?

– Мне товарищ начальник, мне плохо! – затараторил наркоман. – У меня хронический гепатит, гепатит С, цирроз печени, а нас двое в камере.

– И что? Гепатит С воздушно-капельным путем не передается. Чтобы заразиться от тебя, он должен тебя в зад поиметь.

– Я задыхаюсь, воздуха нет, а от этого печень режет, а еще я в туалет хочу...

– Ладно, пошли.

– А дверь оставьте открытой, пока я в туалете, а то в камере дышать нечем, – взмолился наркоман.

– Да ты что! А если этот анархист убежит? Кто будет отвечать? Ты или я? Я! – И мент не только захлопнул дверь, но и закрыл ее на засов.

В два часа ночи моего сокамерника увезли в какой-то пункт, откуда либо отпускают на волю, либо отправляют в СИЗО. Я остался в одиночестве, и меня никто не отвлекал от воспоминаний. Сидя на грязной лавке, я силился вспомнить, когда впервые попал в «обезьянник». «Силился» – это не фигура речи. В душной камере, где я оказался после того, как меня с группой анархистов задержали на вполне легальном шествии в честь 90-й годовщины Октябрьской революции, мысли ворочались в голове, словно толстяки в постели.

Понятно, что впервые я угодил в милицию как футбольный фанат. Но когда именно? Нет, не вспомнил. Не вспомнить мне это и сейчас. Вспоминается то один, то другой привод, но какой из них первый – нет, не помню. Люди в сером появились в моей жизни, когда мне было лет пятнадцать-шестнадцать. Но если в юности я попадал в милицию за фанатизм, то теперь – за политические убеждения. Бог меня спасает пока от длительного общения с ними, с ментами, но все же они часто ко мне возвращаются, эти гребаные менты. Я не жалею, я сам себе выбрал жизнь, в которой они то и дело выскакивают, как черти из табакерки.

Через два дня после того, как меня выпустили из душевой камеры 57 отдела милиции, находящегося на проспекте Культуры, средства массовой информации сообщили, что в маленьком Тосканском городке Арrezzo полицейский застрелил фаната римского «Лацио», двадцатилетнего Габриэле Сандри, ехавшего в Милан на матч своей любимой команды с местным «Интером».

Каждый из нас, кто ездил на выезды, участвовал в фанатском движении, легко мог оказаться на месте Габриэле. Конечно, советские менты стреляли только в редких случаях, а дубинки им выдали после того, как я отошел от фанатизма и стал анархистом. Но советские менты все равно чувствовали себя великолепно, когда им в руки попадал кто-нибудь из нас. Им не надо было соблюдать права человека. Они, менты, просто нас пиздили. Им было наплевать, что мы – подростки, что наши организмы еще до конца не сформировались. Они просто нас тупо пиздили, выгоняли со стадионов, несмотря на то, что с нашими билетами все было в порядке, держали в отстойниках... В нашей среде ходили легенды о фанате, забитом ментами до смерти. Она, эта легенда, напоминала байки о черном альпинисте или белом спелеологе, но была недалеко от истины.

Полицейского, виновного в смерти Габриэле Сандри, обвинили в преднамеренном убийстве, а сам полицейский каялся, заявляя, что он случайно стал виновником смерти человека. В России такое невозможно. За годы «суверенной демократии» менты оборзели вконец. Сходите на «Марш несогласных», «Русский марш» или шествие анархистов, и вы убедитесь в этом на собственной шкуре. Чтобы почувствовать на себе стиль работы русских «стражей порядка» даже не обязательно принимать участие в акции. Достаточно просто пройти мимо места ее проведения. Так, в апреле 2007 года в Петербурге ОМОН бил не только тех, кто возвращался с Пионерской площади, где проходил митинг «несогласных», но и тех, кто просто выходил из здания Витебского вокзала и павильона станции метро «Пушкинская». Но наказание за это никто не понес. Служебная проверка, проведенная в связи с протестами журналистов (им перепало тоже), пришла к заключению, что ОМОН действовал в рамках закона, более того – руководители «спецоперации по наведению порядка» получили благодарности и награды. Россия даже не полицейское, а ментовское, вертухайское государство. Как была она зоной, так и осталась. И я стал понимать это давно, когда только начал носить шарф с цветами любимой команды...

Вспоминаю Киев, который сейчас стал столицей относительно свободной (по сравнению с «московским улусом») страны, но раньше это был город, опасный для фанатов и неформалов вообще. Ранней весной 1987 года мы отправились туда всей нашей ленин-

градской армейской «фирмой». Наш любимый СКА уверенной поступью шел к бронзовым медалям чемпионата 1986/87, и мы решили его поддержать на выездном матче с киевским «Соколом». Причем мы не просто поехали, а полетели на самолете. Киевляне приняли нас настороженно. Хлопцы враждовали с фанатами ЦСКА, но дружили с «зенитчиками», им потребовалось какое-то время на то, чтобы решить, драться с нами или нет: с одной стороны, мы из дружественного им Ленинграда, а с другой – болеем за армейцев, такие же красносиние «кони», как и ненавистные им фанаты ЦСКА. Киевляне подумали и решили не драться с нами, а радушно принять. Правда, пить горилку до матча мы отказались, это было наше армейское правило – не пить перед игрой. Я его ввел, потому что не раз видел, до чего доводит пьянство фанатов «Зенита»: до чего угодно, только не до стадиона.

Не успел я зарядить «Ар-р-р-мейцы с Невы!», как на меня набросились человек пять ментов. Они вытащили меня и Алексея Малышева, который за меня вписался, на запасной выход и стали избивать. Двое ментов меня согнули почти пополам, а третий мент сзади бил по почкам кулаком, другие упражнялись в ударах ногами, норовя угодить в пах. Рядом кричал Малышев, его тоже били. Затем нас вытащили в фойе ледовой арены, где какой-то пузатый милицкий чин, полистал наши паспорта и приказал подчиненным: «Отвезти их в приемник как бродяг».

– Мы не бродяги, я работаю техником в геологическом институте, а чтобы приехать сюда на хоккей, взял отгулы, – сказал я, чувствуя, как во мне буквально плещется и закипает ненависть к этой ментовской роже. «А что, если сейчас всадить ему в челюсть? Что он сделает? Насыт ли в свои серые штаны от неожиданности или, наоборот, – рассвирепеет?» – такие мысли пульсировали в моей голове. Но руки заломали подручные пузатого чина, тот, что держал меня слева, исподтишка загибал мне еще и кисть, было жутко больно.

– Я сказал – в приемник! – заорал пузатый. Его подчиненные потащили нас в пикет оформлять протокол. Все закончилось тем, что меня и Малышева просто вытолкали со стадиона. Как потом выяснилось, то, как нас выносят с трибун, увидел начальник СКА, майор, не помню его фамилию, он знал меня и других ребят. Его возмутило зрелище, и он пошел разбираться. В Ленинграде и в Москве в годы перестройки менты вели себя поскромней. Видимо, до Киева «ветер перемен» долетел позже.

В общем, нас просто выгнали со стадиона. Но мы сумели пройти обратно через служебный ход с киевской командой из низшего дивизиона и досмотрели матч, сидя в служебной ложе.

Вспоминаю ментовский удар, который я получил в Лужниках летом 1984 года. Закончилась финальная игра Кубка СССР. «Зенит» проиграл 0:2, и я будто потерял близкого человека. «Зенит» шел к той финальной игре с 1944 года. Весь наш город жил ожиданием, когда хрустальный кубок вновь приедет на берега Невы. Шансы взять кубок были очень велики, так как другой финалист, московское «Динамо», находился в разобранном состоянии. Это сейчас на любой московский матч «Зенита» выезжает по десять тысяч человек. В середине 80-х все было иначе: за командой моталась небольшая кучка фанатов. Но на финал Кубка СССР отправилось не меньше тридцати тысяч ленинградцев, а то и больше. Были пущены дополнительные поезда, но и все равно многим пришлось добираться на электричках. И такой провал... Я испытывал боль, как от вонзающегося в тело ножа, когда динамовцы Валерий Газзаев и Александр Бородюк забивали голы в ворота Миши Бирюкова. Раздавленный поражением, уходя с трибуны, я крикнул: «Зе-е-е-нит!», и тут же получил удар в затылок, такой сильный, что закружилась голова, потемнело в глазах. Придя в себя, я повернулся и увидел мента, совкового такого, усатого.

– Чего орешь?! В пикет захотел?

Я ничего не ответил, просто посмотрел на него, усатого, мол, я запомнил тебя, и, потирая затылок, медленно спустился с трибуны и ушел прочь со стадиона.

Я запомнил того мента, и он в моей памяти олицетворяет то, что принято называть совком. Точнее, даже не сам мент, а те порядки, которые он охранял. В середине 80-х годов в Москве на стадионах нельзя было кричать, размахивать флагами, хлопать в определенном ритме, можно было только аплодировать.

Я крикнул, за что и схлопотал крепкий подзатыльник.

Вспоминаю «зенитчика» Адвоката, с которым я пробивал выезд в тот же Киев на «Зенит» летом 1984 года. Адвоката закрыли на три года только за то, что случайно сбил фуражку с ментовской башки. На одном из домашних матчей он начал размахивать «зенитовским» флагом, что было в те годы запрещено, менты из оцепления сумели добраться до него и стали винтить. Адвокат, падая, инстинктивно махнул рукой и... сел на три года.

В начале 90-х я случайно встретил Адвоката на Сенной площади, где была барахолка. Адвокат растолстел, полысел, сразу было видно: парень хлебнул лиха, и чтобы выжить, занимается чем-то таким, о чем всем не расскажешь. Мы перемолвились парой фраз, выяснили, что на футбол ни один из нас больше не ходит, и расстались.

Иногда меня спрашивают, почему я всегда против власти, мол, если в двадцать лет ты не был революционером, у тебя нет сердца, но если в тридцать лет ты не стал консерватором – у тебя нет мозгов. Мне уже давно не тридцать лет, а консерватором я так и не стал. И мозги вроде на месте. Не знаю, революционер я или нет, но то, что я бунтарь, – это точно. Да, окраска моего протеста то и дело меняется, я был анархистом, троцкистом, национал-большевиком, а сейчас даже сам не знаю точно, кто я. Чтобы как-то определить свое мировоззрение, называю себя правым анархистом. Но никто не может мне сказать, что когда-нибудь, пусть вынужденно, я помогал власти, оправдывал ее действия. Я всегда против власти. Всегда. Почему? Причин много. Но одна из них – ментовская. Власть охраняют менты, вот в чем проблема. Те самые менты, которые не считают для себя позорным бить подростков по шее. Они сделали все, чтобы я возненавидел государство и его слуг еще тогда, когда я гонял за «Зенит», а затем за СКА. Для них я был тогда изгоем, криминальным элементом, отбросом общества. А для меня фанатизм был движением молодежного протеста, вызовом благопристойной публике. И власти.

Я не жалею, что когда-то пришел на стадион и сел на фанатский сектор. Конечно, я вижу все недостатки фанатской субкультуры. Недостатки – это мягко сказано. Пороки! Фанатизм абсурден сам по себе, по своей сути. Какие-то парни бегают по полю, получая за это миллионы, а ты тратишь свои силы и здоровье, рискуешь порой, поддерживая их. Это – абсурд. Но и сама жизнь – это абсурд, нелепость. И чтобы легче переносить абсурд нашей жизни, мы должны ее чем-то раскрасить, придать ей видимость смысла. Фанатизм был моей первой попыткой в деле этой раскраски.

Глава 1

Открытие трибуны

В Советском Союзе жить было очень уныло. Скука. Серые улицы, серые лица, серые менты, серый асфальт. Сейчас, когда мне на глаза попадают фотографии того времени, меня начинает подташнивать от одного воспоминания о той жуткой скуке и серости. И еще цинизм. Поздний совок им был буквально пропитан.

Вступая в комсомол, я, восьмиклассник, иллюзий не испытывал. Мне нужно было стать членом ВЛКСМ, чтобы при распределении из морского училища, куда я собирался поступать, меня направили на суда заграничного, а не каботажного плавания. По этой же причине, будучи курсантом, я занимался комсомольской работой.

Было уныло. А хотелось чего-то такого, интересного, увлекающего, словом – приключений. Вот я и поступил в морское училище. Загранка... Кто жил в совке, тот помнит, что значило тогда это слово: это был пропуск за рубеж, в другой мир, в мир, который жил по другим законам и где продавали модные вещи. Не скрою, я хотел носить модные вещи, а не те, что заполняли прилавки советских универмагов.

Я ожидал, что со мной будут учиться такие же, как я – романтики, искатели приключений, надеялся оказаться в матросском братстве. Меня ждало разочарование. Моими товарищами по учебе оказались обычные гопники из спальных районов. На уроках парни галдели, харкали друг в друга, матерились, выпускали кишечные газы, чтобы потом закричать на всю аудиторию: «Товарищ преподаватель! Разрешите открыть окно, а то этот курсант испортил воздух! Нечем дышать». Оклеветанный курсант, конечно же, начинал протестовать: «Это не я, товарищ преподаватель! Он сам напердел!» Остальные ржали. А я от стыда готов был провалиться на этаж ниже, особенно неудобно было перед молодыми преподавательницами: они, бедняжки, не знали, как себя вести в этой ситуации, краснели, тупили взор. Курсанты понимали только такие средства воспитания, как крик, кулак, строевая подготовка. За три года учебы в мореходке я подружился только с двумя парнями, но наши пути разошлись, как только мы получили дипломы матросов-мотористов.

Летом 1983 года я окончил первый курс мореходки, и родители отправили меня в путешествие по Волге, путевку купила мама в профкоме геологического института, где она работала. В туристической группе было много девушек, а я, по правде говоря, за год учебы в морском училище от девичьего общества отвык. До Куйбышева (ныне – Самара) мы ехали на поезде, и за время дороги я познакомился с ребятами, с которыми мне предстояло провести лето. Все были приблизительно моими ровесниками – старшими школьниками или пэтэушниками. Лишь один парень выбивался из этой компании – модный такой, высокий блондин. Он был в джинсах – в настоящих blue jeans!

– Меня зовут Андрей. Андрей Самусов, – представился он. – Но для друзей я – Сэм.

– Дмитрий Жвания.

– Митя значит...

Сэм оказался студентом третьего курса медицинского института. Как он оказался в школьной туристической группе, я так и не понял. Всем своим видом он показывал, что ему скучно в нашей компании.

– Да, угораздило! Девицы – все наверняка целки, к гадалке не ходи. Нет, Митя, ты посмотри на них! Развлечься будет не с кем... Ничего, вернемся в Питер, я познакомлю тебя со взрослыми телками, студентками. Чего они только не вытворяют! Ты просто обалдеешь, обещаю. А эти... прыщавые целки...

Не знаю почему, но Сэм предпочитал общаться именно со мной, остальных ребят держал на дистанции. Может быть, потому, что я тоже был в ультрамодных blue jeans – сестра Лиана купила, когда ездила на гастроли в Париж. Так или иначе, мы с Сэмом скорешились.

– И чего я поехал! – сетовал Сэм уже на турбазе в Куйбышеве. – В разгар чемпионата!

– Какого чемпионата?

– Митя, ты лох или прикидываешься? Футбольный чемпионат, «Зенит» играет.

– А... – Я всегда переживал за хоккеистов, а футбол смотрел изредка по телевидению, и то только матчи сборной СССР, тбилисского «Динамо», за которое болел с раннего детства, и матчи за европейские кубки.

– Чего «а»?! Ты хотя бы раз был на стадионе, на футболе?

– Только в Сухуми, на матчах местного «Динамо», когда в этой команде мой брат играл, Гурам Габескирия. А в Питере я на хоккей, на СКА хожу...

– За «коней» болеешь?

– В смысле?

– В том смысле, что твой СКА – это «кони». Как и ЦСКА. Ненавижу «коней»! Тебе, Митя, надо на «Зенит» сходить, после этого о СКА и вспоминать не будешь. Не слышал песню: *«Ты можешь болеть за московский „Спартак“, А можешь болеть за коней. Но лучшие болельщики за „Зенит“ (Ленинград), Не то огребешь пиздюлей!»?*

– Нет, не слышал. Да пойми, я только по воскресеньям могу куда-нибудь выбираться.

В будние – в училище до вечера. После занятий – уборка помещений, патрулирование территории или работа всякая комсомольская...

– Комсомольская? Ну ты даешь! Ха-ха, рассмешил. Не думал, что ты – совок... Положи с прибором на этот комсомол, Митя! Ладно, вернемся в Питер, я тебя познакомлю с реальными людьми, с реальными тусами. Сходим в «Сайгон», где волосатые собираются, в «Рим» на Петроградской... Слушай, а в рок-клубе ты был?

Я сокрушенно помотал головой, понимая уже, что не имею никакого представления о реальной жизни.

– Эх... – только и произнес Сэм.

Информация о «реальных тусах» меня очень заинтересовала, ибо я хотел оказаться в каком-нибудь сообществе, братстве, словом, среди людей, которые были бы не такими скучными, как окружающие меня совки. И вскоре я сам завел с Сэмом разговор о тусовках, дабы понять – к какой из них присоединиться.

– Я уже тебе говорил, хиппи собираются в «Сайгоне», в кафе на углу Невского и Владимирского проспектов. Но не думаю, что эта компания тебе подойдет, они за насилие, им шпана в рыло бьет, а они лишь вытираются... Кроме того, хиппи хайры отращивают, а тебя в мореходке почти наголо бреют. В рок-клубе можно панков встретить, они просто все отрицают. Есть фашисты, в основном – студенты филологического факультета. Ходят они в черных рубашках с вышитыми буквами РОА – Русская освободительная армия. Я кое-кого из них знаю, мог бы тебя познакомить, но...

Я и без Сэма понял, что мне еще очень далеко до сверхчеловека, и перебил его:

– Не-а, фашисты меня не прикалывают.

Еще в школе я прочел несколько книжек о революционерах, изучил, что писали в учебниках об анархистах. Большое впечатление на меня произвел фильм о создании ЧК «20 декабря», в котором анархисты показаны не как опереточные грабители, а как революционеры, в общем, я мечтал присоединиться к каким-нибудь бунтарям: «ты стал бунтарем и дрогнула тьма, весь мир ты хотел изменить» и все такое.

– А анархисты есть в Питере, Сэм?

– Анархисты? Так футбольные фанаты и есть анархисты, они против ментов, против властей. Я же тебе говорил – иди на стадион, Митя!

Сэм мне рассказал историю футбольного фанатизма. Я узнал, что первые фанаты появились у московского «Спартака», было это в 1979-м. Их жестко прессовали менты: скоро Олимпиада, а тут какие-то клоуны в красно-белых шарфах и шапочках. Оппоненты звали спартачей «мясом», из-за того, что история их клуба связана то ли с профсоюзом пищевой промышленности, то ли с каким-то мясокомбинатом. Затем стали появляться другие грядки. Фанатов ЦСКА прозвали «конями» – якобы потому, что первое тренировочное поле команды было разбито на территории, где ранее располагался ипподром; фанатов милицейского общества «Динамо» – «мусорами», почему, объяснять не надо; фанатов «Торпедо» – «торпедонами»...

В Питере фанаты появились в 1980-м, когда «Зенит» впервые в своей истории боролся за бронзовые медали чемпионата страны. На стадионе имени Кирова они собирались, сообщил Сэм, на 33-м секторе.

– Вернемся в Питер, я тебя туда отведу, познакомлю с лидерами фанатов – Шляпой и Блондином, оба они – мои приятели.

Сэм научил меня «зенитовским» зарядам типа «Во всем Союзе знаменит ленинградский наш „Зенит“!»

– Значит, заводящий громко кричит: «Во-о-о всем!»... А сектор подхватывает: «Союзе знаменит...» Понял?

– Ага.

– А еще фанаты переделали «Гимн великому городу» Соловьева-Седова: *«Город над вольной Невой, где болеют за „Зенит“ родной, слушай, Ленинград, я тебе спою про „Зенит“, про команду твою».*

– Круто!

– А когда «Зенит» пропускает гол, фанаты кричат: «Гол забили нам в ворота, очень мы огорчены. Но не зря мы здесь собрались: эй, „Зенитушка“, дави!» Да и еще: хлопать надо не как лохи: та-та-тата-та, так «мясники» хлопают, а по-зенитовски: раз, два, три – зе-ни-тушка дави. Понял? – продолжал Сэм лекцию. – Фанаты ездят на выездные матчи команды, чтобы поддержать ее на чужом стадионе. Я тоже ездил.

– Куда?

– Ну... в Москву...

Как только вернусь в Ленинград, пойду на первый же домашний матч «Зенита», твердо решил я. Но ждать этого три недели было просто невыносимо. Мне хотелось начать фанатеть здесь и сейчас! Я нашел голубой полиэтилен и наклеил на него логотип «Зенита», который сделал из белого лейкопластыря. Вышло вроде ничего. Мне не пришлось долго убеждать школьников, с которыми я отдыхал, что фанатеть за «Зенит» – это круто. Кое-кто из них ходил на футбол и, так сказать, был в курсе. С палубы теплохода «Казахстан», на котором мы плыли по Волге, мы заряжали: «Во всем Союзе знаменит...» Команда теплохода быстро вычислила зачинщика, то есть меня, и создавала мне всяческие проблемы, дело доходило до угроз физической расправой, а я в ответ лишь смеялся им в лица, точнее – в морды. Провинциальные лохи, чего с них взять. Как они вообще живут на белом свете, когда в их городе нет команды высшей лиги!

Сэм удивлялся тому, с каким энтузиазмом я отозвался на его предложение стать футбольным фанатом. В итоге команда теплохода пожаловалась руководителям нашей туристической группы, педагогам, и те вызвали меня на ковер.

– Дмитрий, почему вы так цинично и вызывающе себя ведете? – спросила меня строгая дама с тонкими губами, воспитательница нашей группы.

Я не успел ответить, как заговорил невзрачный мужчина средних лет, в каком качестве он ездил с нашей группой, никто из нас не знал, но все догадывались:

– Презрение к окружающим – отличительная черта фашистов. А мы только что побывали в Ульяновске, где родился и вырос Владимир Ильич Ленин – создатель нашей Коммунистической партии, первого в мире государства рабочих и крестьян, а теперь плывем в Волгоград, где наша армия разгромила фашистов... Ваше поведение я расцениваю как вызов не только окружающим, но и нашей славной, героической истории. Думаю, в Ленинграде вам придется расстаться с комсомольским билетом, я об этом позабочусь.

– Но я прославлял ленинградский «Зенит» и все... При чем здесь фашизм? – меня аж в жар бросило от слов невзрачного мужчины.

– Поведение, поведение, Дмитрий. Все дело в вашем поведении... – похоже, мужчина имел ответы на все вопросы. – Если мы вас не остановим сейчас, вы погубите свою жизнь.

Сейчас в такой ситуации я бы почувствовал себя героем романа «1984», но тогда я об Оруэлле и слыхом не слыхивал, меня просто ошарашило то, какие далекие выводы эти люди сделали из моего, в общем-то, патриотического поведения... Мне стало трудно дышать от возмущения! Как они посмели обвинить меня в фашизме! И за что? За то, что я... прославлял футбольный клуб из Ленинграда. А этот мужичонка мне как раз напомнил фашиста, эдакого эсэсовца с лицом доктора-садиста.

– Я не фашист... Что я вам сделал?! Знаете, вы сами ведете себя, как фашисты.

Мужичонка ухмыльнулся, а дамочка еще больше поджала губы.

– В Волгограде мы вас, Дмитрий, отвезем на психиатрическое обследование, а затем отправим вас в Ленинград на поезде. А пока мы запрещаем вам подниматься на палубы, сидите в каюте.

На разбирательстве присутствовал капитан теплохода, мне показалось, что и его ошарашило то, какой оборот приняло дело.

Я решил, что назло буду гулять по палубам, ведь, в конце концов, мои родители заплатили деньги за то, чтобы я нормально отдыхал, а не сидел взаперти. Когда дамочка попыталась прогнать меня с палубы, я ей привел именно эти доводы. И добавил: «Вы мне никто!» Однако от зарядов за «Зенит» пришлось отказаться. Сэм ходил с озабоченным видом и бросал мне иногда: «Говорил я тебе, подожди с фанатизмом до Питера».

В Волгограде меня никто на психиатрическое обследование не повез. Наверняка это была просто дежурная угроза. Я вместе с ребятами побывал на Мамаевом кургане, посмотрел на дом Павлова, погулял по набережной.

Затем мы поплыли обратно, от Сызрани до Ленинграда ехали на поезде. Да, кстати, Сэм ошибался насчет девчонок из нашей туристической группы. Они оказались далеко не монашками. Потом мне мама сказала, что в профком пришло письмо от руководителей туристической группы, но профорг его маме не показал, дабы ее не расстраивать.

Я вернулся из путешествия, совершенно четко осознавая себя футбольным фанатом, и с нетерпением ждал домашней игры заочно любимой мною команды.

И вот – наконец: в конце лета 1983 года «Зенит» принимал «Торпедо» из Кутаиси. Это была хорошая проверка для меня: по вполне понятным причинам я всегда симпатизировал грузинским командам. Но в этот раз мне нужно было желать грузинам поражения, ведь я стал фанатом «Зенита». Как на грех, на стадионе я встретил грузинского родственника – он напоминал Адриано Челентано, каким мы его знаем по комедийным фильмам: в белом костюме, в белой шляпе... Родственник, конечно же, был уверен, что я пришел поддержать кутаисцев. Когда же он убедился в обратном, он мне сказал с презрительной такой интонацией: «Жвания, грузин! А болеешь за кого?! Эх!» Но его мнение меня волновало мало. Я, как замороженный, смотрел не столько на поле, сколько на фанатский 33-й сектор.

В середине сектора компактно сидела группа человек из пятидесяти, в сине-бело-голубых свитерах, с шарфами той же расцветки. Время от времени в самой гуще этой группы

поднимались люди и начинали размахивать клубными знаменами. Тут же на них реагировали менты, но ребята, что сидели по бокам, препятствовали их продвижению внутрь сектора, происходила сутолока, а знамена исчезали, чтобы появиться вновь в самый неожиданный для ментов момент.

Впрочем, фанатским оказался не только 33-й сектор, я заметил фанатов за воротами – на 40-м секторе, на 47-м, на 21-м. В перерыве я встретил Сэма.

– А что, фанаты собираются не только на 33-й секторе, но и на других? – спросил я.

– Настоящие – только на 33-м. На других сидит левата.

– Что за левата?

– Левые фанаты – это те, что только на домашние матчи ходят.

– А...

Я ждал, что Сэм меня познакомит с легендарными Шляпой и Блондином. Но Сэм сказал, что не успел созвониться с ними, а просто так на 33-й сектор идти не следует.

Идя на следующий матч, я все же купил себе билет на сектор 33. Не помню, с кем тогда играл «Зенит», да это и неважно. Важно, что я помню свои ощущения. Я обнимал за плечи совершенно незнакомых мне ребят и раскачивался, распевая «Мы – твои верные друзья, будем вдохновлять тебя всегда. В непогоду, зной, мы душою и сердцем с тобой». Мы оказывали ментам пассивное сопротивление, когда те лезли вглубь сектора, чтобы отнять развевающиеся знамена. Именно на секторе я научился применять очень эффективный прием против этой публики в одежде мышиного цвета: не нужно махать руками, кричать, просто бей их ботинком в голень, незаметно, исподтишка, и – делай это с лицом растерянного лоха.

Мне показалось, что 33-й сектор – это и есть то самое братство, о котором я мечтал. Со Шляпой и Блондином Сэм меня так и не познакомил, да я и не уверен, что Сэм сам их знал лично. Вскоре до меня дошло, Сэм – не фанат, а так... активный болельщик, не более. Кроме того, даже если Сэм и хотел меня познакомить с Блондином, он бы не смог этого сделать – когда я стал ходить на стадион, Блондин, кажется, служил в армии.

Я очень волновался. Вероятно, так же волнуются девушки перед первым разом. Не знаю, может быть, так же, как я тогда – на стадионе «Жальгирис» в Вильнюсе. Все очень просто: от первого раза, от того, как поставишь себя на первом выезде, зависит твоя репутация в движухе. Нельзя облажаться, нельзя.

В училище я познакомился с пареньком, который тоже решил найти себя в фанатизме, он учился на курс младше. В самом начале сезона 1984 года он пробил свой первый выезд, съездил на матч с ЦСКА, который проходил на закрытой арене армейского спортивного комплекса. Я с завистью слушал его рассказы о приключениях в Москве.

– «Кони» нас вычисляли еще на вокзале, поэтому до их конюшни мы добирались без роз. Только на секторе их надели. Но в Москве, ты прикинь, менты запрещают фанатеть. Можно только в ладоши хлопать, как на детском утреннике.

После матча (который «Зенит», кажется, проиграл) фанаты ЦСКА выпалили моего приятеля и разбили ему губы. Но этим обстоятельством паренек даже гордился – не всем на первом выезде удастся поучаствовать в трайблах. Речь идет о Вадике Смолине, недавно он отметил двадцатипятилетие своего участия в фанатском движении. Кстати, внешне он мало изменился. Может, фанатизм сохраниться помогает...

И вот мой первый выезд.

Мы стояли на трибуне за воротами, сине-бело-голубая кучка. Фанат Длинный (он действительно был очень высоким и, наверное, поэтому болел не только за футбольный «Зенит», но и за питерский баскетбольный «Спартак») заводил: «Во-о-всем!» И мы подхватывали: «...Союзе знаменит ленинградский наш „Зенит“!»

Одно дело на своем стадионе, обнимая товарищей, раскачиваться, распевая: «Ша-лай-ла э-э-у „Зе-нит!“» Совсем другое – делать это на вражеском стадионе. Ты, твоя банда

против десятков тысяч людей – это ощущение трудно передать. Думаю, каждый мальчик мечтает однажды превратиться в одного из трехсот спартанцев. Так вот: я был этим «спартанцем» много раз.

– Сворачиваем розетки, розетки сворачиваем! – командовал Филтр, и мы сворачивали шарфы, а потом по команде раскручивали их броском вверх. В нас летело все, что оказывалось под рукой литовских болел: недоеденное мороженое, огрызки яблок и прочее говно. Я стоял в последней шеренге нашей банды, да еще и с краю, и мне досталось неслабо. Нас оцепили менты и солдаты внутренних войск, менты местные – литовцы, а солдаты – русские и азиаты. Литовские менты улыбались, видя, что показывают нам жители Вильнюса, а те изображали фрикции. Проще говоря, они обещали нас выебать. В ответ на это Филтр засовывал палец в рот и оттопыривал им изнутри щеку: это, мол, мы вас, лабусы, в рот поимеем. Русские солдаты и выходцы из Средней Азии, глядя на Филтра, лыбились: гы-гы-гы.

Матч закончился. С каким счетом – не помню, да это и неважно. Важно то, что я сумел бросить вызов многотысячной вражеской толпе. Да, я боялся, но не показал этого. Страх не имеют только шизоиды. А вот не показать свой страх – это да, это дорого стоит.

Литовцев выпускали со стадиона, а нас держали на трибуне, пока все они не выйдут. Вдруг я увидел: на трибуну поднимается моя мама:

– Пропустите, пропустите, там мой сын! – говорила она милиционерам довольно спокойным голосом, пробираясь ко мне. Но было заметно, что мама волнуется.

– Я заберу своего сына? Вон он – в синей куртке...

Милицейский майор посмотрел на меня, шестнадцатилетнего, и, видимо, убедился, что я не представляю никакой угрозы спокойствию Вильнюса, пожал плечами и ответил маме:

– Забирайте.

Я не был рад тому, что меня забрала мама, которая на всякий случай поехала вслед за мной в Вильнюс. Выглядело это не очень героически – уходить с сектора в сопровождении мамы. Но что было делать?

На выходе за нами увязались здоровенные литовцы лет на десять-пятнадцать старше меня, видимо, это были поклонники не только «Жальгириса», но и тяжелого рока: на голове прически в стиле «Deer Purple» и мудацкие усы подковой. Они стали сзади подсекать мне ноги, но я делал вид, что не замечаю их выходок. В конце концов до них дошло, что я не самый подходящий объект для выяснения отношений, и отстали.

Мы с мамой остались в Вильнюсе еще на день, гуляли по средневековым улочкам, пили кофе и ели мороженое в почти что европейских кафе, которыми в Ленинграде тогда и не пахло.

В те времена нельзя было называть себя фанатом, не «пробивая выезды». Чтобы завоевать на секторе уважение, нужно было ездить и ездить. Так как я решил во что бы то ни стало стать правым фанатом, я начал мотаться за командой. Правда, при ближайшем знакомстве зенитовский фанатизм оказался не таким небесно-сине-бело-голубым, как я себе его представлял вначале.

Бредя из Лужников после проигрыша «Зенита» в финале Кубка СССР, я обратил внимание на компанию из двух парней и двух девушек. У одного из парней, не то чтобы худого, а изможденного, была как-то странно согнута правая рука – кисть будто висела. Второй парень чем-то напоминал эстонского певца Тыниса Мяге. На голове одной из девушек была бумажная зенитовская кепка, она сидела на корточках, как умеют сидеть только жители Средней Азии, показывая всем проходящим бледные ляжки и белые трусы. Другая девица, довольно

высокая, стояла, ее шикарные золотистые волосы слегка трепал ветер. Я грустно кивнул ребятам, мол, привет, товарищи по несчастью.

– Привет! Тоже из Питера? – отозвалась та, что с золотистыми волосами.

– Да. Вы сегодня в Питер возвращаетесь?

– Сегодня. Только у нас денег нет, мы на «собаках» добираться будем. А у тебя билет?

– Нет, еще не купил.

Я подошел к компании.

– Ка-а ка-а-ка бан, – представился изможденный, который вдобавок оказался еще и заикой, и протянул мне кисть для рукопожатия. Я пожал ее – в моей ладони оказалось что-то безжизненное, холодное, костистое – какой-то маленький трупик.

– Юра, – поздоровался второй парень.

– А я – Ира, – сказала та, что с золотистыми волосами, и мило улыбнулась. Ее подругу в зенитовской кепке звали Лена.

Юра обнял Лену за талию, и я подумал: «Неужели этот Кабан – парень этой златокудрой Иры?» Но оказалось, что Кабан познакомился с Юрой, Ирой и Леной за пятнадцать минут до меня и занимался тем, что разводил ребят на деньги. Юра и девицы впервые приехали на выездной матч: их принесла в Москву волна энтузиазма, который охватил Ленинград, когда «Зенит» впервые после сорокалетнего перерыва вышел в финал Кубка СССР по футболу. Проще говоря, фанатами они не были.

– У-у-у т-те-е-бя есть де-е-ньги? До-о-бавь на-а бу-у-хло, а? – спросил меня Кабан.

– Не-а, денег у меня только на обратный билет.

– Да-а ты-ы ч-ч-что, ка-акой по-о-езд! Би-и-летов не-ет! Да-а-аже на-а до-до-допо-о-ол-ните-е-е-льные п-п-п-о-о-е-зда. По-по-ехали с нами на «соб-б-а-аках, а д-д-е-еньги про-про-про-пьем!

В принципе, я ничего не имел против того, чтобы залить горе. Горечь от поражения была такой, что я чувствовал неприятный привкус во рту.

– Ну ладно, давай выпьем.

Кабан воодушевился. Да и те трое – Юра и девушки поддержали мое решение.

По дороге на вокзал мы зашли в магазин и купили несколько бутылок какого-то пойла, кажется, крепленое вино „Кавказ“, и самой элементарной закуски в виде плавленых сырков и ливерной колбасы. Решили, что оттопыриваться будем в электричке.

Но в электропоезд до Калинина (ныне Тверь; первый этап возвращения из Москвы на „собаках“) набилась куча пассажиров, и мы вынуждены были отложить наш банкет. Потное мужичье, бабы с котомками и кутулями, дети. Пассажиры либо тупо глядели в окно, будто изучали безрадостный подмосковный пейзаж, либо о чем-то говорили, в вагоне стоял приглушенный гул. В мои ноздри влезали различные запахи: нестиранных носок, плохого табака, дешевого парфюма, вареных яиц и, конечно, вареной колбасы, купленной провинциалами в столице. Я смотрел на стертые лица пассажиров и не мог, как ни старался, заметить на них отражение мысли или эмоции. Какая-то биомасса перемещалась из пункта А в пункт Б.

Я очень переживал проигрыш „Зенита“. Мне казалось, что несколько часов назад в Лужниках произошла трагедия, проиграл „Зенит“, который в последний раз брал Кубок СССР в 1944-м, сразу после снятия блокады. Мы сидели подавленные и молчали. Я, правда, чтобы дать понять, что не первый раз выехал за командой, начал было рассказывать оключениях в Вильнюсе. Но Кабан меня перебил:

– Э-э-это все ху-ху-хуйня! Вот м-мы с-с Хай-растом в До-о-нецке бу-бу-бухали!

И дальше мы выслушали маловразумительный рассказ, как Кабан со своим другом Хайрастом напились в Ленинграде и решили: а не поехать ли в Донецк, где будет играть „Зенит“?

И поехали. Конечно же, они не запомнили, как добрались до шахтерского города. На матч они, кажется, не попали, или их не пустили, так как они еле держались на ногах.

Кстати, многие фанаты первой волны считали это доблестью – напиться на выезде до чертиков и ничего не помнить, на стадион не попасть. Сейчас вроде все иначе: ребята знают, зачем едут, и это правильно. Меня сильно разочаровывало, а порой и злило, поведение фанатов „Зенита“ на выездах. Я никак не мог понять, зачем ехать в другой город за тридевять земель, чтобы нажраться бормотухи и валяться потом в грязи, как свинья? Когда я взялся за организацию в Ленинграде движения фанатов СКА, и мы пробивали первые выезды за любимой командой, я постоянно твердил ребятам: бухать перед матчем – запахло, мы приехали сюда, чтобы поддержать команду, а если потребуется – защитить честь армейского клуба, бухать будем потом, на обратной дороге. И пока я ездил за СКА, наши выезды проходили совсем иначе, чем выезды фанатов „Зенита“. Мы были маленькой, но дисциплинированной бандой.

Но по дороге из Москвы после финала Кубка я еще только знакомился с нравами фанатов, я еще многого не знал.

- Кабан, прости, что спрашиваю, а что с рукой?
- Да-а уп-уп-па-ал с пя-я-того эт-эт-т-та-а-ж-жа.
- О боже, как это случилось?

И Кабан рассказал, как он с приятелем у себя дома, а жил он в трущобах на улице Шкапина, нажрался таблеток – барбитуры. Их начало глючить. Кабан принял своего кота за гигантского тигра и, чтобы спастись, сиганул в окно с криком „Тигры!!!“ Когда приехала Скорая, Кабан лежал в грязной снежной куче, набросанной дворниками, и продолжал кричать: „Там тигры! Тигры!“ Если бы не эта куча, он бы разбился насмерть, так как на улице Шкапина под домами газонов нет. Кабана увезли в травматологическое отделение ближайшей больницы, а когда его кости кое-как срослись, перевели в дурдом. В итоге Кабан получил инвалидность и как калека, и как шизофреник. В общем, служба в армии ему не грозила. Зато он получал пенсию: гроши, конечно, но все же их хватало на то, чтобы регулярно погреться в глубокий запой.

В фанатской среде Кабан слыл за юродивого. Его нельзя было бить, хотя он этого часто заслуживал. Чуть что – за него заступались люди из основы под тем предлогом, что Кабан старый фанат, мол, он одним из первых пробил выезд в Донецк или еще куда-то.

Однако Кабан все равно недолго прокоптил на этом свете. Если среди фанатов он пользовался иммунитетом, то обычным гопникам и привокзальным „синякам“ на заслуги Кабана было наплевать. В общем, в начале девяностых окоченелый труп Кабана с ножевой раной обнаружили в загаженной подворотне на Шкапина.

По правде сказать, я не особенно радовался компании Кабана. Мне, конечно, было далеко до умников из университетов и победителей школьных олимпиад, все же учеба в морском училище давала о себе знать, но близкое общение с представителями дна общества на меня действовало угнетающе. Кабан, этот восставший из ада, испортил мне настроение, которое и так было мрачнее некуда.

В переполненной электричке мы доехали до Калинина, где и зависли на ночь, – первая электричка до станции Бологое (второй этап путешествия на „собаках“) уходила только в четыре с лишним утра.

Мы все впятером отправились на городской пляж, на берег Волги, чтобы устроить наконец пикник и, может быть, искупаться. Городской пляж оказался весьма чистым, песчаным, со скамеечками. Мы удобно расположились, разлили коричневатое алкогольное пойло

в два стакана, больше не нашли, и решили пить по очереди. Первым, конечно, наполнил себе стакан Кабан.

– А т-т-е-еперь з-з-за нее! З-з-за у-удачу, а ин-ин-иначе нам уд-удач-чи не в-видать! – произнес Кабан тост, принятый среди фанатов.

Выпил стакан залпом и вытер губы кистью. Он бы, наверное, и облизал кисть, если бы на коже осталось немного пойла.

Я тоже выпил, и меня чуть не вырвало, мой желудок запротестовал, толчками прогоняя обратно жидкость, которая в него только что заливалась. Из глаз брызнули слезы. Чтобы не опозориться, я быстро занюхал запах бормотухи плавленым сырком.

Юра налил вино в опорожненные стаканы и дал их девчонкам. Ира и Лена выпили и не поморщились, а Юра допивал остатки вина прямо из горлышка бутылки. Следующая порция прошла легче. Кабан опять завел речь о поездке в Донецк вместе с Хайрастом.

– Кто-нибудь будет купаться? – спросила Лена. Все, кроме Кабана, заявили, что будут.

Девицы разделись, но оставили на себе трусы и лифчик. На Ире были синие трусы, как от купальника, и какой-то бежеватый лифчик из плотной ткани, сколько ни мочи – прозрачным такое белье не станет, а вот исподнее Лены было белым и тонким. Мы купались, Юра и Лена вели себя в воде так, будто перед этим они внимательно изучали киношные сцены совместного купания любовников.

Я вылез первым, Кабан сидел на скамейке с блаженной улыбкой. Вылезла Ира, и мы все втроем смотрели на влюбленных. Наконец на берег выбежала Лена, сквозь ее мокрые трусы была отчетливо видна черная растительность на лобке, а сквозь мокрый лифчик проступали большие темные соски на грудях бутылочной формы. Но ее это нисколько не смущало, как, впрочем, и ее кавалера. У нас еще оставалось вино, и мы выпили за будущие победы „Зенита“.

– В-в-ы э-эт-т-то... н-на м-матч н-наших ду-ублер-ров с „м-м-я-а-сом“ п-пойд-дете? – спросил нас Кабан. – П-п-рих-ходите! П-п-осле м-матча б-бухнем.

Я сразу даже не сообразил, о чем Кабан говорит, а потом вспомнил – чемпионат-то продолжается, грядет игра со „Спартак“.

Полупьяные, мы добрались до вокзала, электричка была уже подана, мы вошли в первый вагон и легли на деревянные отполированные скамейки, я тут же заснул. Проснулся я оттого, что поезд резко затормозил, вагоны как бы стукнулись друг от друга. Кабан лежал на лавке напротив меня, на спине и храпел. Кое-где виднелись головы пассажиров. Я, сколько ни старался, заснуть уже не мог. Встал и решил пойти в тамбур покурить. Проходя мимо спящей Иры, я еще раз обратил внимание на ее золотистые волосы: „Какие красивые!“

Правда, Ира показалась мне немного странной. Чисто одета, но на штанине синих брюк из легкого материала, на коленке, аккуратно залатана дырка. Я удивился, потому что сам бы уже, наверное, не надел брюки с заплаткой на колене, хотя в нашей семье лишние деньги не водились. Ира мало разговаривала, в основном молчала, но охотно ответила на мой вопрос, где она живет и кем работает. Жила она на Театральной площади, с тетей, а работала в регистратуре поликлиники. Было ей девятнадцать лет, на два года старше меня. В отличие от подруги, Ира показала себя весьма стеснительной барышней. Во всяком случае, трусы и лифчик она отжимала в кабинке для переодевания, в то время как Лена сделала это, отойдя от нас шагов на пять.

Юры и Лены на лавках я не обнаружил. Зато обнаружил их в тамбуре: Лена сидела на корточках и делала Юре минет. Но я не стал выскакивать из тамбура, как ошпаренный, а встал у противоположных дверей и закурил. Юра кончил, когда я болгарскую сигарету „Ора!“ докурив где-то до половины. Лена встала с корточек, ребята поцеловались в губы, и вышли из тамбура.

В Ленинград мы вернулись вечером на следующий день после финала. Распрощались, как старые друзья, и договорились вместе пойти на матч дублеров. За время дороги я сблизился с Ирой, она мило мне улыбалась, дремала на моем плече, или делала вид, что дремала, а на самом деле приглашала меня к поцелую... Не знаю... Я мало общался с девушками и еще не научился правильно понимать их сигналы. Но, так или иначе, я ждал матча дублеров еще и потому, что хотел встретиться с Ирой.

Дублеры играли на запасном поле стадиона имени Кирова. Мы – я, Юра, Лена и Ира – встретились на станции метро „Петроградская“. Кабан сказал, что придет на матч самостоятельно, а потом мы все вместе пойдем и культурно отдохнем.

Кабан нас увидел первым, он был не один, а с двумя парнями: рыжим мордатый детской и сухопарым мужичком в сине-бело-голубом свитере. Я крикнул „Кабан!“ и помахал ему рукой. Но к нашей разнополой компании направилась вся троица.

– Ой, какие мы красивые! – рыжий и, как выяснилось при ближайшем рассмотрении, конопатый, говорил в ернической манере, как хулиганы из советского кинематографа. – А что, если вы накинете фанатам на бухло, по рублю? Вы же накинете, правда?

– У нас нет денег... – начал было Юра.

– Не пизди, слышь, ты! Кабан сказал, что вы придете с деньгами. Так ведь, Кабан?

Кабан кивнул и подобострастно посмотрел на рыжего из-под очков с толстыми линзами.

Я, честно сказать, никак не ожидал такого поворота событий и, чтобы скрыть растерянность – молчал. Мне было стыдно перед девчонками и я не знал, как действовать в сложившейся ситуации. Что это – шутка или реальный наезд? Неужели Кабан, которого мы по дороге из Москвы поили и кормили, оказался таким чмо, что навел на нас взрослых парней?

В принципе, к разборкам такого рода я привык в морском училище, и сам по себе расклад меня не пугал. Просто я не ожидал такой подлости от человека, с которым вместе проделал нелегкий путь.

– Кабан, – наконец произнес я, – ты же нас сам позвал на матч дублеров. После матча скинемся все вместе и выпьем...

– Ха-ха, слышали, Маркиз, Петруха?! – Кабан закрутился, как Квазимодо, подобострастно поглядывая из-под очков то на рыжего, которого он и назвал Маркизом, то на мужичка, похожего на спивающегося сотрудника НИИ. – Он хочет, чтобы мы все скинулись, он хочет бухнуть с нами, с правыми фанатами, ха-ха.

– Не-а, чувак! Мы скидываться не будем, вы будете нас поить, потому что вы – леваки! Понятно? – заявил рыжий Маркиз.

Я понимал: в принципе, бояться нечего. Рыжий, конечно, здоровый, я его не повалю. Но если завяжется драка, тут же прибегут менты, и, естественно, повяжут тех, кто взрослее. Менты стояли у входа на поле и заинтересованно поглядывали на нас. Но уповать на ментов – не фанатское дело. Я пребывал в нерешительности, единственно, что я решил точно, что ни за что не отдам два рубля, которые положил в карман джинсов.

– О, да у тебя „стрелка“! А ты разве достоин ее носить?! – Маркиз взял за значок зени-товского логотипа, приколотый к Юриной рубашке. Юра, ни слова не говоря, достал из кармана брюк три рубля, и зеленая купюра тут же оказалась в руке рыжего Маркиза.

– Вот так-то лучше! Кабан, Петрович, поехали на Красного курсанта, а то магазин закроется. А „стрелку“ ты мне все же дай. Поносить.

Окончательно раздавленный Юра отстегнул значок от рубашки и отдал его. Троица ушла, точнее, ушли Маркиз и Петрович, а Кабан семенил за ними, как искалеченная собачонка.

Смотреть матч дублеров не было уже никакого настроения. Но мы все же его посмотрели. У меня ничего не отобрали, но я все равно чувствовал себя униженным и оскорблен-

ным. Девушки молчали. Женский инстинкт, наверное, подсказывал им, что они связались не с теми парнями – с какими-то несерьезными малолетками.

После этого случая я с Ирой больше не встречался: я ей не звонил, но и она никогда не набирала номер моего телефона. С Юрой я поддерживал приятельские отношения еще какое-то время, и он как-то признался мне, что Лена ему изменяет. Юра запил и вскоре выпал из моего поля зрения, я пробивал выезды один за другим, у меня появился новый круг знакомых. С Леной я как-то случайно встретился в перерыве домашнего матча, она была пьяная, в белой юбке, заляпанной винными пятнами. Ее обнимал и лобзал какой-то взрослый парень, лет двадцати семи, явно бывший зэк – лицо прочифиренное, на руках – наколки. Я кивнул Лене, но она сделала вид, что не узнала меня.

Кого я много раз видел после того случая на запасном поле, так это Маркиза. Мы стали даже приятелями. У обутого Юры был выбор. Он мог, как и я, на следующий день пойти на 33-й сектор, как я ему предлагал. Но он пошел на 40-й. Он испугался и в итоге расписался в своей фанатской немощи. Он сдался без боя. А фанатское сообщество слишком брутально, чтобы уважать тех, кто сдается.

Так получилось, что до своего первого выезда в Киев на матч местного „Динамо“ с „Зенитом“ я не мог себя причислить к фанатам, так как у меня не было прозвища, данного каким-нибудь авторитетным ультрас. Это сейчас фанаты сами себе придумывают погоняла. И, естественно, никто себя не обижает. Так, среди нынешних фанатов СКА есть паренек, который сам себя назвал Паханом. А раньше, когда фанатское движение только зарождалось, так было не принято. Прозвище мог дать только авторитетный фанат, а еще лучше – один из лидеров движа. Если в компании фанатов выяснялось, что кто-то сам себя как-то прозвал, его могли высмеять, а то и унизить. Среди фанатов прошлого и настоящего я знаю только одного человека, кого в фанатской среде знают под его собственной фамилией, это – мой товарищ по мореходке Вадик Смолин.

Мне мое прозвище никогда не нравилось. Но избавиться от него, поменять его на другое я не мог, не имел права. Так получилось, что для фанатов я – Ара. Дело было на выезде в Киев летом 1984 года. Когда я и Адвокат приехали в „мать городов русских“, на перроне вокзала нас уже встречала группа киевлян, фанатов местного „Динамо“, среди них затесался известный фанат „Зенита“ Кастет, который приехал в Киев за несколько дней до матча, и видно было, что он провел их, распивая спиртные напитки. Выглядел Кастет как загулявший цыган: включенные черные волосы, над губой – мушкетерские усы, а не юношеский пушок, треники с пузырями на коленях, стоптанные сандалии, застиранная футболка, говорил Кастет хриплым голосом.

С киевлянами фанаты „Зенита“ дружили, и мы всей компанией пошли в винный магазин, закупили много бутылок какого-то местного плодово-ягодного напитка. Сели в живописном киевском дворике, откупорили емкости с мутной коричневатой жидкостью.

– Слушай, Дима... как твоя кликуха? – спросил Кастет.

– Нет у меня клички...

– Не порядок! Сколько у тебя выездов?

– Этот четвертый.

– А куда успел съездить?

– У меня Вильнюс и две Москвы: на финал Кубка и на „Спартак“, когда „Зенит“ 3:2 выиграл.

– Не много, но пора тебе получить погоняло. Сейчас мы тебе его дадим, а ты, как водится, поставишься в честь этого. Ладно?

– Не вопрос.

Киевляне (у одного из них была кличка Юра-Петя) одобрительно замычали.

– Дай-ка, Дима, паспорт, – попросил Кастет.

Я вытащил паспорт и протянул его Косте. Он долго его разглядывал, листал страницы – как заправский мент.

– Ара! Будешь Арой! – вынес он вердикт.

Киевляне опять одобрительно замычали.

„Почему Ара?“ – недоумевал я. „Ара“ – по-армянски „парень“, а в моем паспорте было четко написано: грузин. По-грузински „ара“ – нет, отрицание. Но вряд ли Кастет был силен в таких тонкостях грузинского языка. Наверное, он исходил из того, что все кавказцы – ары, не знаю.

Мне пришлось проставляться, и не помню, как мы добрались до дома киевского фаната, который меня приютил.

Так или иначе, прозвище прилипло ко мне. Самые большие проблемы из-за него возникли у меня во время выездов в Грузию: в Кутаиси и Тбилиси.

– Слушай, ты же грузин, а не армянин. Так почему твои друзья зовут тебя Арой, а?!

Зато потом, я когда полностью переключился на фанатизм за СКА, трактовал свое прозвище в выгодном для себя ключе. Мол, Ара – это от того, что я завожу на секторе: „А-р-р-р-мей-цы с Невы!“

Затем я неплохо показал себя на минском выезде. Сама игра прошла уныло, а мы не смогли поддержать „Зенит“ как следует. Зато перед матчем и после него нашей выездной бригаде удалось отличиться. Команда остановилась в гостинице рядом со стадионом. Мы проникли туда, оккупировали один из номеров, начали распевать фанатские песни, и нас пришлось выгонять с помощью милиции. Зачем мы это сделали, в чем был смысл акции, я не знаю. Да и какая разница. Я же сказал – фанатизм абсурден, как и вся наша жизнь. А после матча я подрался с местными мужиками, которые оказались ветеранами войны в Афганистане. Вначале все шло хорошо. Выходя со стадиона „Динамо“, мы, я и Комиссар (парень, с которым я учился в одном классе и которого вовлек в фанатское движение), познакомились с двумя парнями. Те вели себя довольно дружелюбно и предложили выпить за знакомство, за „Зенит“ и минское „Динамо“. Мы не стали отказываться. Мы купили три бутылки местного пойла под названием „Белая вежа“, выпили за Зенит, за минское «Динамо», за Белоруссию, за Ленинград. И вдруг мужиков понесло, один из них схватил меня за шарф и стал стягивать его на моей шее, говоря: «Я, блядь, не для того в Афгане под пулями ходил, чтобы ты от всякой хуйни страдал, фанат, блядь!» Комиссар решил, что для него будет лучше, если он убежит, и дал стрекоча. Мужик продолжал сдавливать мне горло, я стал задыхаться. Вторым мужик стоял рядом с товарищем и лыбился. Еще немного, и я бы потерял сознание, но мне удалось улучшить момент для удара коленом в мужицкий пах. «Афганец», естественно, немного согнулся, я его оттолкнул и побежал что было сил. «Афганцы» устремились за мной, крича проклятья в мой адрес, а я завернул за угол, где, на мое счастье, стояло такси. Я буквально впрыгнул в салон, как это делают в детективных фильмах, и крикнул «На вокзал! Я опаздываю!» Такси сорвалось с места как раз в тот момент, когда из-за угла выбежали те два мудака – воины-интернационалисты.

Но когда таксист привез меня на вокзал, я понял, что мои проблемы не закончились. Я обшарил все свои карманы, но лишь в одном из них обнаружил всего пятьдесят копеек одной монетой. А таксист насчитал, что я наездил на два рубля (хотя ехать было меньше километра).

Я начал объяснять ему, что я воспользовался его услугами, чтобы уйти от погони. Но он не стал меня слушать, а свистнул других таксистов, которые припарковали свои тачки на привокзальной площади.

– Не хочет платить! – объявил он.

Я попытался вылезти из машины, но за шею меня крепко схватил один из таксистов, который успел залезть на заднее сиденье. Второй водила, что стоял снаружи, ударил меня в лицо, правда, удар получился несильным, прошел по касательной и лишь немного разодрал ухо. Я выставил колено вперед и больше не позволял бить меня в лицо: когда мужик нагибался, чтобы нанести удар, я отбивался от него ногой, причем довольно успешно – несколько раз зарядил ему в область гениталий. Но сзади меня крепко держали за шею. В принципе, я мог крикнуть «Милиция! Помогите!», и меня бы таксисты отпустили, так как, в принципе, я ничего не нарушил и был готов заплатить за проезд пятьдесят копеек, а на два рубля явно не наездил. Но для фаната не дело звать на помощь ментов. И я просто вцепился зубами в руку того мужика, что обхватил меня сзади. Тот заорал: «Бля-я-ядь!», отпустил меня. Я вырвался наружу и побежал, правда, в машине пришлось оставить свой чемоданчик. Я вбежал на перрон, где стоял поезд. Молоденькая проводница согласилась бесплатно довезти меня до Орши. В Орше я просидел до утра. А потом залез в поезд Брест-Ленинград и доехал до родного города на третьей полке.

После этого минского выезда я вошел в число правых фанатов. Но осенью 1984 года, когда «Зенит» завоевывал золотые медали, я понял, что не хочу и не буду фанатом этой команды. К тому времени я окончательно созрел для того, чтобы стать армейцем.

Глава 2

Красно-синий партизан

Пробивая выезды за «Зенит», я быстро растерял восторженность неофита: братство фанатов в реальности оказалось не таким уж братским. Многие в фанатском движении мне не понравилось: пьянство, некоторые правые фанаты выглядели, просто как бомжи, оказалось, что доверять можно только тем, с кем ты сдружился, остальные могли легко подставить. Кроме того, «Зенит» шел к золотым медалям, и болеть за него стало модой, мейнстримом, а я всегда хотел быть не таким, как все.

Войдя в околофутбольное движение, я быстро просек, что в этом движении есть изгой – фанаты ЦСКА, а к самой армейской команде в болельщицкой среде отношение более чем просто отрицательное. «Конюшня»!

Сэм, знакомя меня с основами фанатизма, прочитал мне стишки, сочиненные, видимо, большим интеллектуалом и мастером изящной словесности. Но они, стишки эти, – иллюстрация тогдашнего отношения к ЦСКА со стороны фанатов других команд:

На развилке трех дорог
Стоит терем-теремок,
А на тереме доска:
То конюшня – ЦСКА.

Другое творение еще более высокохудожественное:

Что на поле за тоска?
То конюшня – ЦСКА.
Чтоб таких козлов найти,
Надо землю обойти.
Я всю землю обошел
И в конюшне их нашел.

Замечу, что придумали эти стихи фанаты «Спартака». Нынешние красно-белые «гладиаторы» по части креатива превзошли родоначальников своего движа. На армейско-спартаковском дерби с их трибун только и слышишь:

ЦСКА – команда гондонов,
Больше вам не стать чемпионом!
Отсосете хуй вы у мяса
Красно-синие пидорасы.

Гондоны, пидорасы – вот как надо позорить принципиального соперника! А то терем-теремок, конюшня...

ЦСКА не любили за то, что этот клуб получает молодых талантливых игроков, призывая их как бы в армию, и якобы губит их футбольные таланты. Хоккейный ЦСКА не любили за то, что он обирал все остальные хоккейные клубы: как только в любой провинциальной команде начинал хорошо себя показывать какой-нибудь игрок, он сразу оказывался в ЦСКА.

Но эти расклады меня не волновали. Мне хотелось злить окружающих, противопоставлять себя их представлениям о добре и зле, поддерживать то, что остальные осуждают. И фанатизм за ЦСКА помогал реализовать эти цели.

Осенью 1983 года я, еще только начиная фанатеть за «Зенит», не сильно радовался победе ленинградской команды над ЦСКА на стадионе имени Сергея Мироновича Кирова (ныне скрытого под корень). Парни в красных футболках со звездой на груди и синих трусах вызвали у меня симпатию. И, помнится, подумал тогда: живи я в Москве, обязательно фанател бы за ЦСКА. После игры я взял автограф у легенды армейского футбола Александра Тарханова.

Но фанатеть за ЦСКА, живя в Ленинграде, нелегко, да и не очень, на мой взгляд, естественно. Да и зачем, если в твоём городе есть своя армейская команда? Пусть не футбольная, пусть хоккейная. Но, в конце концов, я всегда любил хоккей!

Кроме того, мне очень нравилась армейская символика. Щиток со звездой, серпом и молотом, синие свитера хоккеистов со звездой на груди, красные шлемы... В юности, да и в любом возрасте, наверное, информация воспринимается на уровне символов, знаков. Символика армейского клуба отсылала в легендарные времена Буденного, Фрунзе, Ворошилова (о реальной роли Льва Троцкого в создании Красной армии я тогда еще не знал).

В конце сезона 1983/84 я пришел в Спортивно-концертный комплекс на матч СКА. Кажется, армейцы играли с «Химиком», который в те годы был лихим середнячком. Я сидел на центральной трибуне. Зрителей было немного, атмосфера была как на похоронах, трибуны молчали. В ворота армейцев залетали шайбы одна за другой. На боковой трибуне я заметил человек пять в красно-синих шарфах, они изредка заряжали «А-р-р-р-мейцы с Невы!» Это был отважный поступок – надеть в Питере красно-синий шарф, я позавидовал смелости парней и решил, что они будут моими новыми товарищами.

Затем, в самом конце сезона 1983/84, СКА дал бой ЦСКА, который за весь чемпионат не потерпел ни одного поражения. Московские армейцы шли на рекорд, достойный книги Гиннесса. И проиграли они только СКА, который прочно прописался в группе аутсайдеров. Играли в Спортивно-концертном комплексе. Наши победили 3:1. Ворота армейцев с Невы защищал Сергей Черкас. За СКА шизовали все те же пятеро (или шестеро) парней. Но после матча началась давка, все были возбуждены, на радости пихались и толкались, и пока я пробирался к ребятам, они ушли со стадиона, так что знакомство с ними мне пришлось отложить до следующего сезона. Только потом я узнал, что прозвище лидера той небольшой армейской грядки Артын. Фанаты «Зенита» отзывались об этом парне уважительно, мол, боец, ничего не скажешь. Он ездил на выездные матчи «Зенита». Мы могли познакомиться с Артыном в Вильнюсе, на матче, который стал началом моей выездной истории. Но я его в ажиотаже не заметил, а узнал только на фотографии нашей трибуны.

На первый матч хоккейного сезона 1984/85 я шел с совсем другим настроением, чем на последние матчи предыдущего сезона, я был уверен в себе, ведь за прошедшее время я накатал несколько выездов, меня несколько раз задерживала милиция, я познакомился с ментовскими кулаками, получил прозвище, словом, продвинулся по фанатской части.

«Может, и хорошо, что я не познакомился с Артыном весной, когда был еще леваком. Сейчас-то я настоящий фанат, и мне будет легче поставить себя в новой компании», – думал я, идя на матч СКА, первый в новом сезоне.

Но на стадионе я не обнаружил Артына и его парней. Не появились они и на следующих матчах. И я понял, что мне выпал шанс создать свой красно-синий сектор, создать с нуля армейское движение в Ленинграде.

– Да ты чего? В «кони» подался?! – возмущался Вадик Смолин, который к тому времени уже успел себя зарекомендовать как перспективный зенитовский фанат. – Зачем ты тогда за «Зенит» выезды пробивал, а? Я тебя не понимаю! Ты уже почти в основе движухи... Нет, ты понимаешь, что теперь у тебя появится куча проблем? А в футболе ты теперь будешь за кого болеть, за «конюшню», за ЦСКА, за старших братьев, да?

– За СКА (Ростов), – попробовал отшутиться я, но приятель шуточки не принял.

– Да парни не поймут тебя... А если ты придешь на «Зенит» в красно-синей розе, тут же получишь в рыло. И я за тебя заступаться не буду, ты уж прости.

– Послушай, не надо драматизировать, ладно! Я с детства люблю хоккей и болею за СКА. Фанатизм за «Зенит» – для меня эпизод, и все. Я хотел стать фанатом, а в городе нет другой «грядки», кроме зенитовской. А насчет того, кто кому даст в рыло, мы еще посмотрим! Придет время, и вы не посмеете сунуться на наши матчи в своих цветах. В Питере хоккей был, есть и будет красно-синим.

Вадик жил в Колпине, в небольшом промышленном пригороде Ленинграда. В хоккее Колпино представляла команда первой лиги «Ижорец» (от Ижорского завода), она показывала тогда неплохой хоккей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.